

тересный фактъ, что Болгаре большою частью, какъ и естественно, брали турецкое слово въ той формѣ, въ какой оно слышно въ устахъ турецкаго простонародія. По крайней мѣрѣ болгарская форма весьма часто совпадаетъ съ формой, которую Былки отмѣчаетъ соштипе. Въ этомъ отношеніи, намъ кажется, болгарская форма турецкаго слова иногда можетъ быть не безъинтересна и для турецкаго словаря. При способѣ, принятомъ покойнымъ, дается возможность видѣть и то, насколько принятое болгарскимъ языкомъ турецкое слово отклоняется въ значеніи отъ своего оригинала или же, какъ это иногда бываетъ, усвояетъ себѣ какое-либо одно изъ турецкихъ значеній.

При продолженіи работы за всѣми указаніями относительно словъ, заимствованныхъ изъ турецкаго языка, мы обращаемся къ помощи профессора Московскаго Университета Ф. Е. Корша, который изъявилъ на то свое согласіе и которому мы обязаны выразить за то глубокую благодарность.

Указанные нами достоинства словаря настолько очевидны, что проф. Соболевскій, не колеблясь, выразился, что болгарскій словарь лучшій изъ словарей славянскихъ нарѣчій на русскомъ языкѣ.

Выражая глубокое сожалѣніе, что покойному самому не удалось довести до конца изданіе словаря, который бы вышелъ изъ его рукъ гораздо болѣе совершеннымъ, мы оправдываемъ свою смѣлость взяться за продолженіе печатанія столь солиднаго труда лишь желаньемъ почтить память покойнаго и глубокой увѣренностью въ чрезвычайной важности и своевременности изданія полнаго болгарскаго словаря.

Объ оставшихся материалахъ мы должны сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

Словарь писанъ былъ покойнымъ на карточкахъ. Послѣднія были двойного формата: большія въ $\frac{1}{16}$ долю листа писчей бумаги и маленькия въ $\frac{1}{32}$ долю. На первыя Александръ Львовичъ заносилъ слова, которые, по его предположенію, обещали быть употребительными, а на вторыя всѣ остальные.

Ихъ накопилось два туго набитыхъ картона въ $\frac{3}{4}$ аршина длиной, раздѣленныхъ на двѣ половины для карточекъ большаго размѣра и на три части для карточекъ меньшаго размѣра. Этотъ